

Белый Мянй очнулся в первозданном хаосе.

Ни боли, ни света, лишь механический голос прозвучал в самом глубоководье его сознания:

— Дзынь! Система Блаженной Беременности успешно привязана.

— Здравствуйте, хозяин. Вы погибли в автомобильной аварии в возрасте двадцати шести лет. Все эти двадцать шесть лет вы были законсервированным девственником, а показатель вашего сожаления составляет 99,9 %.

Разум Белого Мянй еще немного плыл, когда он услышал, как система продолжает:

— Чтобы восполнить сожаления хозяина, система перенесет вас в мир быстрых перемещений и гарантированно поможет избавиться от одиночества. Пожалуйста, приготовьтесь...

— Избавиться от одиночества? — Белый Мянй наконец уловил нить и подал голос. — Система Блаженной Беременности поможет избавиться от одиночества?

— Кхе. — Система запнулась. — Хозяин, вы многого не знаете: у нас тут тех, кто умеет рожать, только и способны удержать жены. Не переживайте, со мной вы гарантированно забеременеете двоих за три года и троих за пять лет, а сердце жены рано или поздно станет вашим.

— Умею рожать? — Белый Мянй о чем-то подумал, и его лицо залил ярко-алый румянец. Он забормотал: — П-правда?

— Абсолютная правда, хозяин! Как только ступите за Врата Быстрых Перемещений, эта малютка-система гарантирует, что жена будет любить вас до безумия!

— Но я... — Белый Мянй не успел договорить, как перед его глазами вспыхнул ослепительный белый свет.

Когда он открыл глаза снова, первым звуком, который услышал Белый Мянй, был женский насмешливый смешок.

— Это и есть тот котёл, что прислали в этом году? Лицо и впрямь выдалось на славу.

Кто-то ухватил его за подбородок и заставил поднять голову. В поле зрения предстали расписные балки и резные колонны дворца, а также толпа богато одетых женщин. Их взгляды падали на него так, будто они разглядывали какой-то товар.

Белый Мян timer инстинктивно вжался в себя.

Его ресницы отчаянно дрожали, но он не смел увернуться и мог лишь позволять чужой руке сжимать свой подбородок, отчего его пухлые щеки слегка комично выпятились вперёд.

— Только посмотрите на этот взгляд, — рассмеялась та женщина. — Точь-в-точь напуганный кролик.

Вокруг раздалось несколько приглушенных смешков.

Белый Мян timer опустил глаза, и его влажные ресницы густо опустились, скрывая затаенную панику.

— Не бойся, — вовремя подала голос система. — Это переселение в младенчестве, ты уже пятнадцать лет прожил в этом теле, просто воспоминания разблокировались только сейчас.

Пятнадцать лет?

Белый Мян timer замер, и в следующую секунду воспоминания этой оболочки хлынули подобно приливу.

Он был сиротой, приюченным Сектой Линъюнь. Из-за своего врожденного телосложения котла его с малых лет держали взаперти на задней горе: кормили духовными травами да поили нектарной росой, возрадив не только нефритово-белую кожу и чистейшие кости, но и ворох капризных привычек.

Боялся боли, боялся холода, боялся голода, боялся оставаться один.

Его продержали на задней горе пятнадцать лет, и людей, которых он видел, можно было пересчитать по пальцам одной руки. У тех монахинь, что навещали его, взгляды всегда были точно такими же, как сегодня — словно они смотрели на вещь.

— А внешность и правда хороша, — женщина, разглядывавшая его, убрала руку и повернулась к стоявшему рядом и заискивающему старейшине. — Только вот интересно, как у него со здоровьем?

— Не беспокойтесь, достопочтенная, — торопливо произнес старейшина. — Дитя с младых ногтей возвращено на духовных травах, его первородная энергия не утрачена, а телосложение чистейшее — оно ни за что не опозорит вашу секту. Разве что изнежен боли, боли не выносит, долгих дорог не осилит, но для ухода в покоях подходит идеально.

Женщина удовлетворенно кивнула, и ее взгляд снова вернулся к Белому Мян timer. Видя, как он

втянул голову в плечи, тербит пальцами край одежды и съежился в мягкий пухлый комочек, она усмехнулась:

— И впрямь выглядит так, будто умеет ласкаться и просить о милости.

Лицо Белого Мянэ вспыхнуло пунцовым.

Он не просил о милости.

Он просто... боялся.

Через полчаса конвой тронулся в путь.

Белого Мянэ затолкали в повозку, запряженную духовным зверем, по обе стороны от него уселись две монахини для охраны. Свернувшись калачиком в самом углу, он обхватил колени руками и уткнулся в них лицом, оставив снаружи лишь покрасневшие кончики ушей.

Это тело было до невозможного нежным: стоило ветру подуть — его бросало в дрожь, стоило солнцу припечь — он падал в обморок, а от дорожной тряски в повозке его тошнило. Белый Мянэ терпел подступающую к горлу тошноту, а глаза его жгло от подступающих слез.

Пусть в прошлой жизни он и был законсервированным девственником, но по крайней мере оставался свободным человеком. С чего бы ему терпеть такие мучения даже после смерти?

— Хозяину нужно еще немного потерпеть, — бормотала система у него в голове. — Как только выберемся за пределы земель Секты Линъюнь, охрана ослабит бдительность. Тогда побежите на восток тридцать ли, там есть Туманный лес — стоит вам войти туда, и они уже не догонят.

Белый Мянэ подавленно угукнул, и в его голосе слышались нотки плача.

К вечеру отряд разбил лагерь.

Охранявшие его монахини пили вино за палаткой, а Белый Мянэ, свернувшись в одеяле, прислушивался к доносящимся снаружи голосам и смеху. Его сердце колотилось как безумное. Он боялся до смерти, у него дрожали ноги, но еще больше он страшился того, что его доставят в эту самую секту и отдадут на растерзание толпе глазеющих со всех сторон женщин.

— Как раз сейчас.

Он сжал зубы, откинул одеяло и бесшумно выскользнул из палатки.

Ночной ветер забрался под воротник, заставив его зябко вздрогнуть. Не смея издавать ни звука, Белый Мянй бежал на восток, то и дело отступаясь. Терновник рвал его одежды, оставляя багровые царапины на нежных бедрах; ему было до боли больно, на глаза наворачивались слезы, но он закусил губу мертвой хваткой, не смея издать ни звука.

Позади внезапно раздались резкие окрики:

— Беглый котёл сбежал!

— Догоняйте!

Сердце Белого Мянй сжалось, ноги запнулись, и он чуть не рухнул на землю.

— Быстрее! Осталось пять ли!

Пять ли.

При скорости этого тела ему понадобится по меньшей мере еще четверть часа.

Шаги погони за спиной становились все ближе, Белый Мянй почти физически ощущал чужое дыхание у себя на затылке. Его глаза защипало, слезы брызнули из глаз, но остановиться он не смел — бежал и плакал, донельзя жалкий и несчастный.

Пока он бежал, прямо перед ним внезапно возникла чья-то фигура.

Белоснежные одежды, черные волосы собраны в высокий хвост — в лунном свете этот силуэт казался холодным и отстраненным изваянием.

Белый Мянй не успел ни разглядеть ее лицо, ни о чем-то подумать.

Он знал лишь то, что его вот-вот настигнут.

Он знал лишь то, что перед ним живой человек.

Он знал лишь...

— Спасите!

Изведя последние силы, он с размаху врезался в чужие объятия и мертвой хваткой вцепился человеку в талию.

До чего же твердо.

Это была первая мысль Белого Мяня.

От этого человека пахло прохладным кедровым ароматом, талия была упругой и тонкой, и от подобного удара и объятия она даже не шелохнулась.

Белый Мянэ уже не мог ни о чем беспокоиться. Он уткнулся лицом в вороник незнакомца, всем телом дрожа от страха, размазав по чужой одежде слезы и сопли. Его голос дрожал так, что не поддавался описанию:

— Спасите меня... Умоляю, спасите... Они хотят меня схватить... Умоляю вас...

Он цеплялся так крепко, словно тонущий человек, ухватившийся за последнюю плавучую ветвь.

Ему было слишком страшно.

Страшно быть схваченным, страшно возвращаться в эту клетку, страшно снова ловить на себе те взгляды толпы женщин.

Он знал лишь одно: человек, заключенный в его объятиях в эту секунду — его единственная надежда.

Бо Циньянь в эту ночь просто проезжала мимо.

Летя на мече, она заметила внизу убегающего человека и опустилась, чтобы взглянуть. Не успела она даже твердо встать на землю, как нечто мягкое врезалось прямоком ей в грудь, отбросив ее на полшага назад.

Она опустила взгляд.

Какой-то юноша.

Худенький, хрупкий, весь дрожащий, словно преследуемый зверушек. Он намертво вцепился в ее талию и уткнулся лицом ей в грудь. Откуда у него вообще могла взяться сила? Но эти пальцы так впились в ее одежды, что побелели суставы — казалось, стоило ему разжать руки, и он умрет.

От ворота ее одежды потянуло теплом и сыростью.

Он плакал.

— Спасите меня... Умоляю...

Этот голос, одновременно мягкий и дрожащий, полный глубокого отчаяния и слез, напоминал мяуканье котенка и царапал прямо по сердцу.

Бо Цинъянь слегка нахмурилась.

Она не любила телесных контактов с другими.

И тем более не любила, когда ее так обнимали.

Однако юноша, прижавшись к ее груди, обнажал полоску своей белоснежной тонкой шейки, испачканной потом и слезами, которая так жалко и призывно мерцала в лунном свете. Его тело колотилось в лихорадке, а плач был таким тихим, будто он боялся причинить ей беспокойство, но слезы все равно лились в три ручья, глухо впитываясь в ее воротник.

Ее недовольство внезапно испарилось, не найдя выхода.

— Стоять!

Позади посмертели окрики.

Несколько монахинь настигли их и при виде этой картины дружно замерли.

— Кто здесь? — сурово произнесла предводительница преследовательниц. — Это беглая рабыня нашей Секты Линъюнь, попрошу вас вернуть его владелицам.

Бо Цинъянь не двинулась с места.

Юноша, услышав голоса погони, испуганно замер, сжался в комок и вжался в нее еще сильнее, будто пытаясь проникнуть сквозь ее тело. Его руки отчаянно дрожали, но пальцы продолжали мертвой хваткой держать ее одежды, а лицо спряталось так глубоко, что он даже дышать боялся.

Бо Цинъянь опустила на него взгляд.

Он ютился в ее объятиях — такой крошечный, почти ничего не весящий. Настолько перепуганный, беспомощный и жалкий.

— Беглая рабыня? — переспросила она безэмоциональным тоном.

— Именно так, — подтвердила монахиня. — Будьте добры, не суйте нос в чужие дела.

Бо Цинъянь подняла глаза.

В лунном свете ее лицо казалось холодным, как морозный снег, а в глазах не было ни единой ряби.

— С этого момента он мой.

— Ты...

— Прочь.

Всего одно слово — легкое, словно дуновение ветерка, но пропитанное неоспоримой властью.

Лицо главы погони переменилось, очевидно, та прикидывала разницу в силе. Спустя мгновение она все же предпочла увести людей ни с чем.

<http://bllate.org/book/22395/2350065>